

**РОСТОВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

ПОНЕДЕЛЬНИК,
2 ноября
1992 г.
№ 15 (1642)
Год изд. 84-й.

Имя в истории университета

«А МНЕ ОДНА НА СВЕТЕ ДУМА: КАК БЫ УМЕРЕТЬ НЕ БЕЗ УМА!»

В 1919 году, в разгар гражданской войны, в Ростове вышла не большая книжечка «Пушкиниана». Грохотали пушки, но музы, как и мы, тоже не молчали. Ее автором был Евгений Александрович Бобров — профессор Донского университета.

БИОГРАФИЯ его по своему удивительна. По ней «прошлое» бурное время эпохи «войн и революции». Судьба разделила его жизнь надвое: 33 года он прожил в прошлом веке, 33 — в нашем, двадцатом.

Он родился в 1867 году в талантливой крестьянской семье. Отец самоучкой добился права работать казенным землемером. Брат Евгения, Владимир, к сожалению, рано умерший, был писателем, фольклористом, историком литературы. Евгений закончил гимназию с золотой медалью. Затем сразу два отделения Дерптского (позже Юрьевского, ныне Тартусского) университета — философское и историко-литературное — с двумя степенями: кандидата философии и кандидата русской словесности. Свою первую научную работу он опубликовал в 21 год, а в 29 лет стал уже экстраординарным профессором Казанского университета.

Слово экстраординарный — значит необычный. В старых Российских университетах на эту должность брали ученых сверхштата, учитывая их яркие способности.

Многие исследователи занимаются зачастую услуженным изучением определенной научной проблемы Бобров пошел по другому пути: собирал философские

просвещение в России XIX века» и шеститомная «Философия в России», изданные в Казани в начале века.

ОСНОВУ его мировоззрения составлял персонализм. Евгений Александрович, вместе с другим полузабытым русским философом Козловым, был первым в России сторонником этого философского учения.

Персонализм, в центре которого стояло признание личности, как высшей духовной ценности, быстро завоевал признание в Америке. Где же было в России второй половины XIX века с ее мощным государственно-полицейским аппаратом подавления, с психологией крестьянской общины думать о личности как первичной творческой реальности! А позже пришли народники, марксисты.

Это уже потом идеи персонализма будут развивать Бердяев и Шестов, Лесский и С. Булгаков — крупнейшие русские мыслители XX века и выдающиеся поэты-символисты А. Белый и Вяч. Иванов. Но и их идеи долго будут для нас за семью замками.

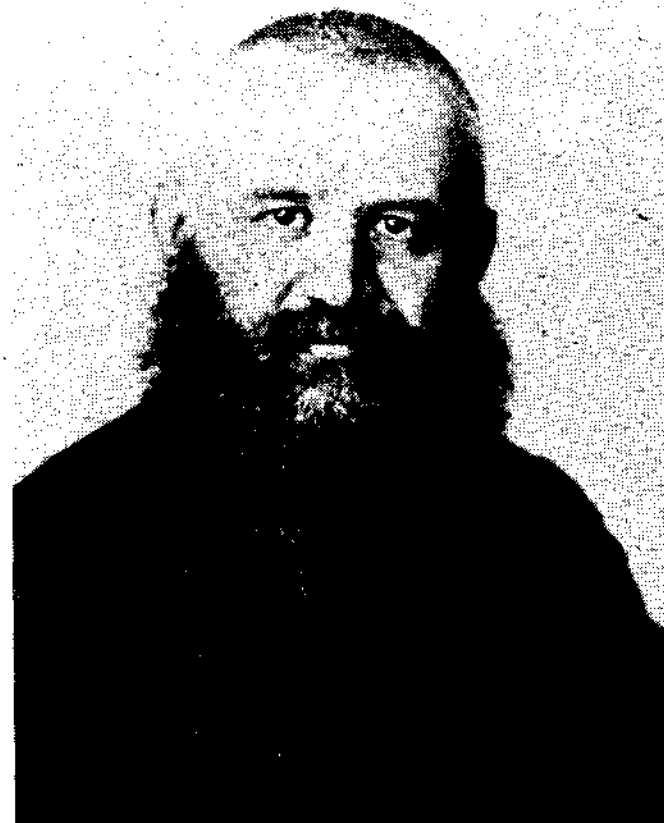
Исповедывать учение, которое появилось раньше, чем почва для общественного признания — вот она драма Е. А. Боброва. Потому

тесную квартирку по старому обычаю русских профессоров приглашал любимцев на чай. Здесь велись горячие дискуссии о философии, литературе, искусстве.

И студенты всегда любили своего наставника. В Варшаве, в 1913 году, к 25-летию его «работы на поприще науки и литературы» признательные ученики выпустили специальный сборник, посвященный учителю. Здесь была собрана библиография работ Боброва и опубликованы статьи последователей на нескольких языках.

Тут же помещен и портрет ученого. Огромная черная борода и «гибницей» проседи, короткая «солдатская» стрижка, темный пиджак. Чем-то аскетическим, монашеским веет от всего облика. Горящий, пылкий взгляд пронизывает вас насквозь. В глубине глаз тлеет какое-то напряжение: не то горечь, не то высшее понимание трагичности бытия. А может быть, предчувствие собственной нелегкой судьбы?

Под портретом надпись — размашистая, уверенная: «А мне одна на свете дума: Как бы умереть не без ума!». Я вновь и вновь всматриваюсь в эти глаза. Между нами — 80 лет. Для Боброва время было философской категорией, которую он исследовал, анатомируя дни

единкомысленников, склоняясь им нем Пушкина. Может быть, не случайно, в 1918 году Бобров выпустил свою «Пушкиниану».

В 1928 году в университете отмечали 40-летие научной и общественно-педагогической деятельности Е. А. Боброва. Ему был посвящен целый выпуск «Ученых записок». Открывает книжку журнала портрет Евгения Александровича. Та же окладистая борода, только совсем седая. А в глазах уже открытые печаль и боль. Сразу вспомнились гениальные строчки В. Пастернака: «Чтоб темная струя страданья согрела холоп бытия». И подпись

статья страница его истории. **Е**ВГЕНИЙ Александрович Бобров искал спасение в педагогической работе. Вот новый спектр его курсов в Северо-Кавказском университете: история мировоззрений, народная словесность, философия религий, курс о Гегеле, русская литература XIX—XX веков, советская русская литература. Вновь, каковы диапазон и масштаб, какова эрудиция!

А чтобы показать лояльность советской власти, приходилось «наступать на горло собственной песне». В 1927 году Бобров пишет небольшую работу «Эпизод из истории марксизма в России».

зачит небычий. В старых российских университетах на эту должность брали ученых сверхштата, учитывая их яркие способности.

Многие исследователи занимаются зачастую углубленным изучением определенной научной проблемы. Бобров пошел по другому пути: совмещал философские и литературоведческие исследования. И подходил к проблемам литературы с философских позиций, а философские труды писал прекрасным литературным языком.

Его главный труд первого периода творчества «Об искусстве как психической деятельности» находился, как бы мы сказали сейчас, на стыке наук. Не случайно, конечно же, в «Большой энциклопедии» Южакова его называют философом, а в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона — писателем. Полагая в прославленные энциклопедии России — большая честь. Тем более — статья о Боброве в издании Южакова написана, когда ему было 34 года, по нынешним меркам — он был молодым ученым.

Современники считали Евгения Александровича одним из лучших знатоков древней философии. Но он занимался и современной философией. Круг его интересов был энциклопедически широк. Обратите внимание, какие курсы читал в Казанском, а затем Варшавском университете, куда его перевели в 1903 году: логика, педагогика, гносеология, история древней и новой философии.

Е. А. Боброва интересовало творчество Пушкина и Гоголя, Баратынского и Веневитинова, Добролюбова и Л. Толстого. Он первым обратил внимание на оригинального мыслителя В. С. Печерина, принявшего в эмиграции сан католического священника, и оказавшего вместе с Чаадаевым большое влияние на русскую общественную жизнь.

А какова работоспособность ученого! Среди трудов Боброва десятки монографий и среди них четырехтомная «Литература и

Ков» — крупнейшие русские мыслители XX века и выдающиеся поэты-символисты А. Белый и Вяч. Иванов. Но и их идеи долго будут для нас за семью замками.

Исповедывать учение, которое появилось раньше, чем почва для общественного признания — вот она драма Е. А. Боброва. Потому и перенес он свои научные интересы на эстетику, психологию искусства, педагогику. Собственно, сама жизнь распорядилась по своему. В 1915 году, в связи с военными действиями в Польше, Варшавский университет переводят в Ростов. Вместе с ним приехал в наш город и профессор Бобров.

Мировая война, как один из главных итогов промышленной революции, оказала огромное воздействие на весь ход мирового развития. Здесь лежат основные истоки русской революции и всех последующих социальных катаклизмов. Ломались судьбы целых классов, сословий — миллионов людей — что там жизнь отдельного человека! И каков мог быть разговор о его высшей духовной ценности!

Понять происходящее, осмыслить планетарные потрясения — это ли не задача философа? Но рассказать о пережитом, о новом своем знании — было непросто. Бурный вихрь событий, колыхорот будней захлестывал. А когда пришло время обобщать — сказать в новой России правду было уже нелегко, а позже — и невозможно.

Евгений Александрович поселился в коммунальной квартире старого дома на Халтуринском. В двух небольших комнатках едва удалось разместить книги, вывезенные из Варшавы. Я бывал в этой квартире. Часть его библиотеки и архива, многократно проверенного в свое время сотрудниками НКВД, берегла приемная дочь Боброва — Александра Николаевна Розанова. В шкафах теснились старинные тома, заманчиво поблескивали золотом корешки фолиантов.

Он ЧЕНЫ любил студентов, а них, собственно, и была его жизнь. Даже в свою

страйной нелегкой судьбы»

Под портретом надпись — размашистая, уверенная:

«А мне одна на свете дума:

Как бы умереть не без ума!».

Я вновь и вновь всматриваюсь в эти глаза. Между нами — 80 лет. Для Боброва время было философской категорией, которую он исследовал, анатомируя диалектику Гегеля. Для меня же сегодня, сейчас, когда я пытаюсь представить судьбу этого человека — всевеликая, неудержимая сила, создавшая жизнь такой, какой она стала. Жизнь Боброва давно прожита, и теперь мы можем увидеть, какие внутренние «рубцы» она оставила в его душе, как она обжигала и ломала его.

КОГДА Варшавский университет решено было перенести в Ростов, газета «Приазовский край» 11 августа 1915 года писала: «Ростову начитает улыбаться счастье... Мы накануне осуществления нашей заветной мечты». О продуктивной работе, о спокойном будущем думали, наверное, многие преподаватели, приехавшие в Ростов, спасаясь от пламени войны. Но вслед за войной пришла революция. Конечно, успешно развивались в Донском, а затем в Северо-Кавказском университете естественные науки. Гуманитариям же, ученым старой российской заправки, привыкшим к университетской вольнице, приходилось нелегко. Надвигались новые времена тотального подавления свободомыслия.

С конца 20-х годов ортодоксальный марксизм, вульгарный социологизм, прямолинейный классовый подход начинают господствовать в философии, истории, литературоведении, психологии...

За 15 лет, с 1900 по 1915 годы, Бобров опубликовал около 170 работ, а с 1916 по 1930 — всего 15. Были периоды, когда он не публиковал ничего.

На праздновании столетнего юбилея Пушкина, поэт В. Ходасевич, предчувствуя в самом конце века грандиозные социальные потрясения в России, сказал: придет время, и мы будем искать

Е. А. Боброва. Ему был посвящен целый выпуск «Ученых записок». Открывает книжку журнала портрет Евгения Александровича. Та же окладистая борода, только совсем седая. А в глазах уже открылись печаль и боль. Сразу вспомнились гениальные строчки Б. Пастернака: «Чтоб темная струя страданья согрела холод бытия». И подпись под портретом уже по-древнегречески. Кто в то время из имеющих власть мог прочесть старый девиз философа: «Умереть не без ума!»? Да и кому нужен был тогда аналитически глубокий ум, если люба самостоятельная мысль вызвала подозрение, а чуть позже — и преследование.

Можно представить, какие горькие, тяжелые раздумья переживал этот человек. Все, чему посвятил он свою жизнь, рушилось на глазах. Как болезненно, наверное, чувствует могучий ум свое бессилие!

Крупнейший пушкинист, старый друг Боброва, Б. Л. Модзалевский писал ему за год до своей смерти, в 1927 году: «Трудно сейчас быть у живого дела. Усложняющиеся детали затрудняют всякое начинание, все кругом — нервы и переутомление... В текущую минуту нам и нашим современникам приходится туго».

В коротких этих строках — картина жизни людей, смыслом жизни которых были творческий поиск. Теперь мы хорошо понимаем, о чем писал между строк Борис Львович, что это были за «усложняющиеся детали». Начиналась публичная травля старых ученых, тех, кто не вписывался в складывающуюся систему монолитной идеологии, подавляющей все живое. За примерами далеко ходить не надо. В том же сборнике «Ученых записок», посвященном Боброву, доцент С. А. Каменев в огромной разгромной статье «По ту сторону марксизма» шельмует профессора психолога М. М. Рубинштейна. Какова дальнейшая судьба этого ученого? Сколько человек в университете было репрессировано за свои убеждения. Это совершенно неиз-

гид, курс о Гегеле, русская литература XIX—XX веков, советская русская литература». Вновь, каковы диапазон и масштаб, какова эрудиция!

А чтобы показать лояльность советской власти, приходилось «наступать на горло собственной песне». В 1927 году Бобров пишет небольшую работу «Эпизод из истории марксизма в России». За серьезным заголовком стоит заунывная история из жизни одного профессора — философа. В 1930 году выходит его последняя публикация «Одно из самых ранних русских изложений теории К. Маркса». Вскоре он уходит на академическую пенсию.

Евгений Александрович Бобров умер в 1933 году, не дожидаясь открытого террора. Что бы ждало его? Впрочем, это трудно представить. Через два года после его смерти в юбилейном сборнике, посвященном 20-летию Северо-Кавказского университета, о Боброве уже писали, что он был консультантом у Крайнова и Деникина.

Интересно, по каким же вопросам мог консультировать философ и литературовед боевых генералов? Впрочем, в ту пору даже не задумывались над существом доносов. Может быть, «коллеги» не могли простить Боброву, что он был идеалистом, что ему в 1918 году было присвоено звание заслуженного профессора? С тех пор его имя в университетских изданиях перестало даже упоминаться. Не нашел я его могилы и на кладбище.

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения Евгения Александровича Боброва. Умирать не без ума мы, видимо, научились. Научиться бы еще жить не без ума. Беречь творческое наследие прошлого, помнить всех, кто сказал свое слово в науке, в искусстве, в литературе не по партийным «святым», а по живой истории культуры.

Владислав СМЕРНОВ.